

УДК 130.32

МЕТАФИЗИКА ЗЛА В. С. СОЛОВЬЁВА

С. Г. Пилецкий

Ярославская государственная медицинская академия

Поступила в редакцию 8 декабря 2010 г.

Аннотация: *статья посвящена извечной проблеме – немирному сосуществованию добра и зла в мире. Автор старается высветить основные аспекты данной проблемы через призму выдающейся метафизической концепции знаменитого русского философа Владимира Сергеевича Соловьёва. Она, как известно, была контрверзой другой концепции другого не менее знаменитого русского философа Льва Николаевича Толстого о «непротивлении злу силою».*

Ключевые слова: *добро, зло, метафизика, иерархия, предопределение, антихристианство, самозванство.*

Abstract: *this paper is devoted to the eternal problem – the non-peaceful co-existence of the good and the evil in the world. The author tries to enlighten the main aspects of the problem through the prism of the outstanding metaphysical conception of the famous Russian philosopher Vladimir Sergeevich Soloviov. It was, as well known, the controversy to another conception of another, not less famous, Russian philosopher Lev Nicolaevich Tolstoy about the «non-resistance to evil by force».*

Key words: *good, evil, metaphysics, hierarchy, predestination, anti-christianity, imposture.*

От царя и мудреца Соломона до нас дошло, что всё проходит, что ничто не вечно под луной, что всё суета сует и томленье духа. Однако же есть, по-видимому, в этом подлунном мире нечто такое, что позволяло и позволяет многим выдающимся мыслителям утверждать, что отнюдь не всё суть земная «труха», ржа, брен и тлен, что есть в нашем бытии нечто такое, что мало того, что не укладывается, не вписывается в естественные причинно-следственные связи, но что само определяет и первично этим причинно-следственным связям. И это не только различного рода богословские доктрины с их основополагающей теоцентрической парадигмой, но и вполне «секулярные» концепции, типа платоновской и гегелевской. Весьма, кстати, утонченные, логически стройные и эстетически-красивые. Но от Аристотеля мы пользуемся для идентификации этого «нечто» термином «метафизика» и его производными, характеризующими все то, что выходит за рамки физики, за рамки эмпирического изучения природы. Напрямую встречаемся мы с метафизикой и в учении Владимира Сергеевича Соловьёва.

В частности, его статья «Красота в природе»^{*} знакомит нас с его метафизическим видением красивого и безобразного. Это своего рода он-

^{*} См. здесь и далее: *Соловьёв В.* Чтения о Богочеловечестве. Статьи. Стихотворение и поэма. Из «Трёх разговоров». СПб. : Художественная литература, 1994.

тология красоты и ее противоположности. «Алмаз, то есть кристаллизованный углерод, по химическому составу своему есть то же самое, что обыкновенный уголь. Несомненно также, что пение соловья и неистовые крики влюбленного кота, по физиологической основе своей, суть одно и то же, именно звуковое выражение усиленного полового инстинкта. Но алмаз красив и дорого ценится за свою красоту, тогда как и самый невзыскательный дикарь вряд ли захочет употребить кусок угля в виде украшения. И между тем как соловьиное пение всегда и везде почиталось за одно из проявлений прекрасного в природе, кошачья музыка, не менее ярко выражающая тот же самый душевно-телесный мотив, нигде, никогда и никому не доставляла эстетического наслаждения.

Из этих элементарных примеров уже явствует, что красота есть нечто формально-особенное, специфическое, от материальной основы явлений прямо не зависящее и на нее не сводимое. Независимая от материальной подкладки предметов и явлений красота не обусловлена также и их субъективную оценкою по той житейской пользе и той чувственной приятности, которую они могут нам доставлять. Что самые прекрасные предметы бывают совершенно бесполезны в смысле удовлетворения житейских нужд и что, наоборот, вещи наиболее полезные бывают вовсе некрасивы – это, конечно, не требует доказательства...» (с. 207). И чуть далее В. С. Соловьёв постулирует метафизику красоты, выводя ее дефиницию: «...мы должны определить красоту как преобразование материи чрез воплощение в ней другого, нематериального, начала» (там же).

Но есть, оказывается, своя метафизика и в безобразном. В. С. Соловьёв указывает три параметра, три признака сего природного антонима прекрасного. Во-первых, это непомерное развитие материальной животности в смысле обнаженного воплощения двух основных инстинктов – полового и питательного, во всей их безмерной ненасытности. Больше всех в связи с этим от В. С. Соловьёва досталось червям, в особенности внутренностным, червеобразным личинкам насекомых и головоногим моллюскам, чье тело, по его словам, есть не что иное, как мешок самого элементарного строения, заключающий в себе одни только половые органы. Во-вторых, это возвращение (редукция) к бесформенности. По данному основанию В. С. Соловьёв к безобразным тварям относит не только улиток и других слизняков, но и таких некрасивых, по его мнению, высших животных, как киты и тюлени. Особенно же непрезентабельна в этом отношении искусственно откормленная, бесформенно раскормленная человеком одомашненная свинья. И, в-третьих, это карикатурное предварение высшей формы. Сия вопиющая причина безобразия в царстве земной фауны, а именно у некоторых позвоночных животных, состоит в том, что они, оставаясь вполне животными, похожи на человека и представляют как бы карикатуру на него. Тут остались «не позабыты-позаброшены» вниманием лягушки и обезьяны. Но эстетическая критичность В. С. Соловьёва не доходит до антропологического снобизма. Напротив, он категорически заявляет: «Все названные животные несомненно безобразны. Но крайней степени безобразия достигает лишь в области выс-

шей и совершеннейшей природной формы: никакое животное не может быть так отвратительно, как очень безобразный человек» (с. 214).

Констатация того неоспоримого факта, что есть безобразные люди и что есть безобразие среди людей, плавно, но неумолимо вводит нас из области эстетики в область этики, в область добра и зла. В «Чтениях о Богочеловечестве», в частности в Чтении девятом, Владимир Сергеевич рассуждает о зле природном, физическом, и зле сверхприродном, метафизическом. «Это-то ненормальное отношение ко всему, это исключительное самоутверждение или эгоизм, всесильный в практической жизни, хотя бы и отвергаемый в теории, это противопоставление себя всем другим и практическое отрицание всех других – и является коренным злом нашей природы, и так как оно свойственно всему живущему, так как всякое существо в природе, всякий зверь, всякое насекомое и всякая былинка в своем собственном бытии отделяет себя ото всего другого, стремится быть всем для себя, поглощая или отталкивая другое (откуда и происходит внешнее, вещественное бытие), то, следовательно, зло есть общее свойство всей природы: вся природа, будучи, с одной стороны, именно в своем идеальном содержании или объективных формах и законах, только *отражением всеединой идеи*, является, с другой стороны, именно в своем реальном, обособленном и разрозненном существовании как нечто чуждое и враждебное этой идее, как нечто недолжное или дурное, и притом дурное в двояком смысле: ибо если эгоизм, то есть стремление поставить свое исключительное *я* на место всего, или упразднить всё собою, есть зло по преимуществу (нравственное зло), то роковая невозможность действительно осуществить эгоизм, то есть невозможность, оставаясь в своей исключительности, быть действительно всем, – есть коренное *страдание*, к которому все другие страдания относятся как частные случаи к общему закону...

Из сказанного ясно, что зло и страдание имеют внутреннее, субъективное значение, они существуют в нас и для нас, то есть в каждом существе и для него. Они суть состояния индивидуального существа: а именно – зло есть напряженное состояние его воли, утверждающей исключительно себя и отрицающей всё другое, а страдание есть необходимая реакция другого против такой воли, реакция, которой самоутверждающееся существо подпадает невольно и неизбежно и которую оно ощущает именно как страдание. Таким образом, страдание, составляющее один из характеристических признаков природного бытия, является лишь как необходимое следствие нравственного зла» (с. 153–154).

Однако от экзистенции пора переходить к эссенции, а от нее к метафизике, что, собственно, блестяще В. С. Соловьёв и осуществляет. Ясно же, что «вселенски-тварная» дифференциация и диверсификация зла, безусловно, предполагает не только процесс обратный – процесс центростремительный, процесс консолидации и интеграции, но и существование безусловной объединительной, организующей, злоэманулирующей «державной» силы. «Таким образом, если зло или эгоизм есть некоторое актуальное напряженное состояние индивидуальной воли, противопос-

тавляющей себя всему, всякий же акт воли, по определению своему, свободен, то, следовательно, зло есть свободное произведение свободных существ.

Но индивидуальные существа не могут быть свободной причиной зла в качестве существ *физических*, какими они являются в природном вещественном мире, потому что этот мир и они сами, поскольку принадлежат к нему, суть лишь следствия или проявления зла. В самом деле, внешняя материальная раздельность и особенность, характеризующая природную жизнь и образующая природный мир в его противоположности с миром божественным, эта внешняя раздельность физического бытия есть, как мы знаем, прямое следствие внутренней розни и самоутверждения, или эгоизма, который сам, следовательно, лежит глубже всякого материально обособленного бытия – за пределами физического существования субъектов в их внешней раздельности и множественности; другими словами, первоначальной свободной причиной зла не может быть индивидуальное существо как физическое явление, само уже обусловленное внешнею необходимостью.

Всеобщий опыт показывает, что всякое физическое существо уже родится во зле; злая воля при эгоизме является у каждого отдельного существа уже в самом начале его физического существования, когда его свободное-разумное, или личное, начало еще не действует, так что это коренное зло для него есть нечто данное, роковое и невольное, а никак не его собственное свободное произведение. Безусловная воля не может принадлежать физическому существу как таковому, ибо оно уже обусловлено другим и не действует прямо от себя.

Итак, зло, не имея физического начала, должно иметь начало *метафизическое*; производящею причиной зла может быть индивидуальное существо не в своем природном уже обусловленном явлении, а в своей безусловной вечной сущности, которой принадлежит первоначальная и непосредственная воля этого существа. Если наш природный во зле лежащий мир, как земля проклятия и изгнания, произращающая волчцы и терния, есть неизбежное *следствие* греха и падения, то, очевидно, начало греха и падения лежит не здесь, а в том саду Божиим, в котором коренится не только древо жизни, но также и древо познания добра и зла, иными словами – *первоначальное* происхождение зла может иметь место лишь в области вечного доприродного мира» (с. 156–157).

И вот уже в Чтении десятом мы находим замечание В. С. Соловьёва чрезвычайной любопытности и чрезвычайной мировоззренческой важности, знаменуя собой своеобразный «бумеранговый» разворот и возврат в экзистенциалистскую проблематику. Можно при желании не без успеха примерять на себя. «Этот характер утверждения субъективного элемента во всем может быть носителем как величайшего зла, так и величайшего блага. Потому что если сила личности, самоутверждаясь в своей отдельности, есть зло и корень зла, то та же самая сила, подчинившая себя высшему началу, тот же самый огонь, проникнутый божественным светом, является силою мировой всеобъемлющей любви: без силы само-

утверждающейся личности, без силы эгоизма самое добро в человеке является бессильным и холодным, является только как отвлеченная идея. Всякий деятельно нравственный характер предполагает подчиненную силу зла, то есть эгоизма. Как в мире физическом известная сила для того, чтобы действительно обнаруживаться, стать энергией, должна потребить или превратить в свою форму соответствующее количество прежде бывшей (в другой форме) энергии (так свет превращается из теплоты, теплота из механического движения и т.д.), подобно этому и в нравственном мире подпавшего природному порядку человека заключающаяся в душе его потенция добра может действительно обнаружиться, только потребивши или превративши в себя уже существующую наличную энергию души, которая в природном человеке есть энергия самоутверждающейся воли, энергия зла, которая и должна быть переведена в потенциальное состояние для того, чтобы новая сила добра перешла, напротив, из потенции в акт. Сущность добра дается действием Божиим, но энергия его проявления в человеке может быть лишь превращением усиленной, перешедшей в потенциальное состояние силы самоутверждающейся личной воли. Таким образом, в человеке святом актуальное благо предполагает потенциальное зло: он потому так велик в своей святости, что мог бы быть велик и во зле; он поборол силу зла, подчинил ее высшему началу, и она стала основанием и носителем добра» (с. 182–183). Представляется, что с небольшим «перехлестом» (а то придется признать обоснованность и правомерность проведения данной логической линии не только до апостолов, но и до Иисуса), но в общем, сказано верно и весьма изящно.

Следует отметить, что метафизика зла В. С. Соловьёва в чем-то переключается, а в чем-то и нет, в чем-то схожа, а в чем-то и нет, с концепцией добра и зла одного из столпов христианской церкви, виднейшего теолога времен патристики Аврелия Августина, который как бы упорядочивает и иерархизирует сущность и проявления зла. Так, Августин, выступая резко против позиции монаха Пелагия о необремененности человека первородным грехом (был в те далекие годы такой ученый монах, который проповедовал, что первородного греха не существует и человек рождается свободным от грехов; плохо, правда, кончил: времена шли такие, что не очень-то в почете и цене были свободомыслие и разные мудрствования), развивает учение о предопределенности. Согласно этому учению, Адам как первый человек действительно был свободным и безгрешным. У него была возможность следовать за Божьей волей и достичь бессмертия. Однако первые люди в лице Адама и Евы, искушенные дьяволом, совершили-таки грех. А потому все следующие поколения людей не свободны, обременены грехом и смертью, которая есть возмездие за первородный грех. Глава 3-я первой книги Моисеевой «Бытие» как раз в высшей мере назидательно и повествует об искушении Змием Евы, искушении, в свою очередь, Евой Адама, их вкушении от древа познания добра и зла и, соответственно, проклятия Господнем на Змия, землю, Еву и Адама и позорное изгнание последних из Эдемского сада.

И Аврелий Августин, и В. С. Соловьёв высвечивают именно этот «адресат» метафизики зла.

Однако этике Августина присуще то, что он приписывал злу иное происхождение, нежели добру. С одной стороны, мир как творение Божие не может быть недобрым, но, с другой стороны, и существование зла несомненно. При определении понятия теодицеи, или защиты совершенства творения, Августин исходил из того, что зло не принадлежит природе, а является продуктом свободного творчества. Бог создал природу доброй, но ее отравила злая человеческая воля. С этим связан и другой тезис Августина: зло не является чем-то, что абсолютно противоположно добру, оно есть лишь недостаток добра. Нет абсолютного зла, лишь добро абсолютно. Зло, по Августину, возникает там, где нет исполнения долга. Зло – это отвлечение от высших целей, и чаще всего это либо гордыня, либо вождленность. Гордыня проистекает из стремления человека обойтись без Бога, вождленность – из страстей, направленных на преходящие вещи. Таким образом, зло происходит от человека, имеет земной характер, добро же исходит от Бога, Божий дар и продукт Божьей милости. Но из этого, в свою очередь, недвусмысленно следует, что человек отвечает за зло, несет персональную ответственность за злые поступки, добрые же надлежит воспринимать не иначе, как должные. Долг есть лишь исполнение обязанностей, арифметических операций при сложении «плюсов» и «минусов» при зачете хороших и скверных дел не будет. Так что не только на какие-то «коврижки» и похвалу на высшем и важнейшем из всех экзаменов за достойные эпизоды и примеры своей жизни человеку надеяться не приходится, будут ли они вообще учитываться – вот вопрос. «Не навреди!» должно быть не только профессиональным кредо медиков, но и вообще универсальной, общечеловеческой, жизненной позицией. Не желаешь ею руководствоваться – готовься. Долго ждать не придется.

В связи с этим вспоминается и буквально старая, и «хорошо забытая старая» полемика интеллектуалов и практиков двух, по сути, полярных идеологий: восточной и западной жизненной парадигм, восточного и западного уклада быта, интровертивного и экстравертивного типа мышления и стиля поведения. В российской философской и политической истории и культуре это буквально старая полемика между славянофилами и западниками, в современной философской и политической культуре это «хорошо забытая старая» полемика между молодыми (и не очень) либеральными реформаторами и их молодыми (и не очень) политическими и экономическими оппонентами. О прошлом (далеком и недалеко), о настоящем, а главное, о будущем России думы. О перспективах, моделях и образцах.

На бытовом, жизненно-практическом, «заземленном» уровне полярность двух индивидуальных организующих, ориентирующих нравственных и поведенческих установок замечательно художественно представлена И. А. Гончаровым в образах Обломова и Штольца. Талант великого писателя делает неактуальной полуторасотлетнюю удаленность в част-

ностях и деталях. Не в них, как известно, суть. Самая же суть в том, что это два не просто разных, а во многом принципиально разных типажа, представляющих неподдельный интерес в контексте концепции «хороших и плохих дел и тяжелой ответственности за последние». За всей неблагообразностью «внешней фактуры», бытовых начал и привычек, очевидной леностью и вопиющей непрактичностью, за всей иронически-карикатурной инфантильностью не менее, если не более, очевидна, интуитивно ясна та же инфантильно-нравственная чистота, та же по-детски наивная вера в то, что люди от природы добры и великодушны, на подлость не способны, а если когда и поступают не так – не так, как в детстве его учила и к нему относилась маменька, – то это исключительно по неведению. Ну, как Сократ, право слово! Над Обломовым можно посмеиваться, свысока подтрунивать, снисходительно сочувствовать, но в чем уж точно нельзя заподозрить – так это в умении подлости и предательства. В трусости – может быть, но в спланированной низости – никогда. С точностью до наоборот дела обстоят со Штольцем (точнее – за тем нравственно-личностным типом, олицетворенным этим образом). За видностью физической силы, энергии и моторики, за внешней педантичностью и дисциплиной, за внутренней уверенностью и целеустремленностью, за рационализмом и предсказуемостью задач и их решений не менее предсказуем и тип выбора, когда подлость и предательство не только возможны, но и практически неизбежны в силу своей целесообразности. Нет средств моральных и аморальных, есть лишь эффективные и неэффективные. Недаром все «бесстыжие» тоталитарные режимы и подстраивающиеся под них секты, тип мировоззрения, основывающийся на наивно-детском жизненном восприятии, на наивно-детском неприятии «планов громадьи», на наивно-детской вере в добро и справедливость и неготовности за них биться насмерть, именуют презрительно-нарицательным «обломовщина».

Но вот что получается: Обломов и Штолец, как образы и образцы, не только по-разному, но и абсолютно неравнозначно выглядят и предстают пред очами Божьими. Иисус говорит «будьте как дети», призывает хранить и беречь наследуемую с детства кротость, доброту и наивность, сторониться зла. Так, значит, делу учила, словам Иисусовым учила Обломова маменька, не зря пестовала и лелеяла Илюшеньку – понял он и вскормился этим. Не только безбожно, не только отвратительно, но и бесперспективно строить планы подобного рода: вот я сейчас пользы ради сподличаю, сделаю гадость, но уж потом благородными делами да молитвами отмолю да скомпенсирую; «божественная канцелярия», надо полагать, все учитывает, так что «минус» на «плюс» будет «ноль», хорошими делами доберу. Оно бы, конечно, и неплохо, да не выйдет так. За плохие дела отвечать придется, только за плохие. А посему «Емеля на печи», «Обломов на диване» при всей своей очевидной внешней неприглядности куда более в нравственном аспекте симпатичны, Богу ближе и милы, нежели презентабельный, инициативный, целеустремленный и успешный Штолец. Если, конечно, речь идет о том Боге, о котором по-

вествует Священное Писание. Выходит так, что лучше уж совсем ничего не делать, чем делать то, что сопряжено со злом. А что тогда говорить о тех миллионах и миллионах совершенно бессовестных, но предельно рассудительных, организованных и предприимчивых «реципиентах западническо-экстравертивной модели», уже в сравнении с которыми гончаровский образ Штольца, в свою очередь, – образ до наивности детский. О том, что лучше предприимчивая подлость или ленивое бездействие, а также о том, каких тяжких, непоправимых бед может наделать, казалось бы, одно малое, хитроумное, ловкое, плутовское дело, повествует провидческий рассказ Л. Н. Толстого «Фальшивый купон». Стоит только догадываться, какими многочисленными жуткими, трагическими последствиями обходятся человечеству хитроумные, ловко предприимчивые, плутовские деяния покрупнее.

Нет, мы не забыли о метафизике зла В. С. Соловьёва, просто использовали ее как стимул к размышлению. «Злая метафизика» прямо-таки наваливается на нас из его «Трех разговоров» и «Краткой повести об Антихристе». Предисловие «Трех разговоров» он начинает следующим интересом: «Есть ли зло только естественный *недостаток*, несовершенство, само собой исчезающее с ростом добра, или оно есть действительная *сила*, посредством соблазнов *владеющая* нашим миром, так что для успешной борьбы с нею нужно иметь точку опоры в ином порядке бытия? Этот жизненный вопрос может отчетливо исследоваться и решаться лишь в целой метафизической системе. Начав работать над этим для тех, кто способен и склонен к умозрению, я, однако, чувствовал, насколько вопрос о зле важен для всех... Так сама собою явилась эта словесная форма как простейшее выражение для того, что я хотел сказать. Этою формою случайного светского разговора уже достаточно ясно указывается, что здесь не нужно искать ни научно-философского исследования, ни религиозной проповеди. Моя задача здесь скорее апологетическая и полемическая: я хотел, насколько мог, ярко выставить связанные с вопросом о зле жизненные стороны христианской истины, на которые с разных сторон напускается туман, особенно в последнее время» (с. 416–417).

Интересом начавшееся предисловие заканчивается признанием: «С полемической задачей этих диалогов связана у меня положительная: представить вопрос о борьбе против зла и о смысле истории с трех различных точек зрения, из которых одна, религиозно-бытовая, принадлежащая прошедшему, выступает особенно в первом разговоре, в речах *генерала*; другая, культурно-прогрессивная, господствующая в настоящее время, высказывается и защищается *политиком*, особенно во втором разговоре, и третья, безусловно религиозная, которой еще предстоит проявить свое решающее значение в будущем, указана в третьем разговоре в рассуждениях господина *Z* и в повести отца Пансофия. Хотя сам я окончательно стою на последней точке зрения, но признаю относительную правду и за двумя первыми и потому мог с одинаковым беспристрастием передавать противоположные рассуждения и заявления *политика* и *генерала*» (с. 420).

С благодарностью воспользуемся этим признанием и с особым вниманием обратимся именно к речам таинственного г-на Z. За нами останется лишь задача тематического синтеза.

Г-н Z. «Во всяком случае, несомненно, что антихристианство, которое по библейскому воззрению – и ветхозаветному, и новозаветному – обозначает собой последний акт исторической трагедии, что оно будет не простое неверие, или отрицание христианства, или материализм и тому подобное, а что это будет религиозное *самозванство*, когда имя Христово присвоят себе такие силы в человечестве, которые на деле и по существу чужды и прямо враждебны Христу и Духу Его...» (с. 429).

Г-н Z. «...Правило непротивления злу важно само по себе, оправдывает оно или нет аскетического требования. По-вашему, если мы не будем сопротивляться злу силою, то зло сейчас же и исчезнет. Значит, оно держится только нашим сопротивлением или теми мерами, которые мы принимаем против зла, а собственной действительной силы оно не имеет. В сущности, зла вовсе нет, оно является только вследствие нашего ошибочного мнения, по которому мы полагаем, что зло есть, и начинаем действовать согласно этому предположению. Так ведь?»

Князь. Конечно, так.

Г-н Z. Но если зла в действительности нет, то как вы объясните поразительную неудачу дела Христова в истории?.. Да ведь вы же не отрицаете, что Христос и первые поколения христиан всю душу свою положили в это дело и отдали за него жизнь свою, и если тем не менее из этого ничего не вышло, по-вашему, то на чем же для вас-то могут основываться надежды иного исхода? Один только и есть несомненный и постоянный конец этого дела, совершенно одинаковый и для его начинателей и губителей, и для его восстановителей: все они, по-вашему, в прошедшем умерли, в настоящем умирают, в будущем умрут, а из дела добра, из проповеди истины никогда ничего, кроме смерти, не выходило, не выходит и не обещает выйти. Что же это значит? Какая странность: несуществующее зло всегда торжествует, а добро всегда проваливается в ничтожество.

Дама. А разве злые не умирают?

Г-н Z. И весьма. Но дело в том, что сила зла царством смерти только *подтверждается*, а сила добра, напротив, опровергалась бы. И в самом деле, зло *явно* сильнее добра, и если это *явное* считать единственно реальным, то должно признать мир делом злого начала. А каким образом люди умудряются, стоя исключительно на почве явной, текущей действительности и, следовательно, признавая явный перевес зла над добром, вместе с тем утверждать, что зла нет и что, следовательно, с ним не нужно бороться...

Политик. Ну а сначала вы свой-то выход из этого затруднения укажите.

Г-н Z. Кажется, он прост. Зло действительно существует, и оно выражается не в одном отсутствии добра, а в положительном сопротивлении и перевесе низших качеств над высшими во всех областях бытия. Есть зло индивидуальное – оно выражается в том, что низшая сторона человека, скотские и зверские страсти противятся лучшим стремлениям

души и *осиливают* их в огромном большинстве людей. Есть зло общественное – оно в том, что людская толпа, индивидуально поработанная злу, противится спасительным усилиям немногих лучших людей и одолевает их; есть, наконец, зло физическое в человеке – в том, что низшие материальные элементы его тела сопротивляются живой и светлой силе, связывающей их в прекрасную форму организма, сопротивляются и расторгают эту форму, уничтожая реальную подкладку всего высшего. Это есть *крайнее* зло, называемое смертью. И если бы победу этого крайнего физического зла нужно было признать как окончательную и безусловную, то никакие мнимые победы добра, в области лично нравственной и общественной, нельзя было бы считать серьезными успехами...

Политик. Это уже мы слышали. А вы-то на что опираетесь против отчаяния?

Г-н Z. Наша опора одна: действительное воскресение. Мы знаем, что борьба добра со злом ведется не в душе только и в обществе, а глубже – в мире физическом. И здесь мы уже знаем одну победу доброго начала жизни – в личном воскресении Одного – и ждем будущих побед в собирательном воскресении всех. Тут и зло получает свой смысл или окончательное объяснение своего бытия в том, что оно служит всё к большему и большему торжеству, реализации и усилению добра: если смерть сильнее смертной жизни, то воскресение в жизнь вечную сильнее и того, и другого. Царство Божие есть царство торжествующей чрез воскресение жизни – в ней же действительное, осуществляемое, окончательное добро» (с. 447–451).

Но финальное, эсхатологическое, заветное слово о сверхприродном зле и о его траурно-печальном, безусловном, сокрушительном поражении (добродей злодеев одолели – а как же иначе!) открывается нам со всей глобальной сценарной драматичностью, сюжетной беллетристичностью, сочностью и красочностью образов и персонажей, а также бесподобным триумфом вселенского добра в «Краткой повести об Антихристе». Это, конечно, не поэма о «Великом инквизиторе» и даже не «Откровенный Апокалипсис» Иоанна Богослова, но тоже даже очень ничего.

Вот таким эффектным, мастерским и весьма обнадеживающим образом метафизика зла Владимира Соловьёва трансформируется, переливается и подчиняется его метафизике добра.

Ярославская государственная медицинская академия

Пилецкий С. Г., кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии

E-mail: SergeyPiletsky@yandex.ru

Тел.: 8-4852-73-86-22; 8-4852-51-76-08

Yaroslavl State Medical Academy

Piletsky S. G., Candidate of the Philosophy, Assistant Professor of the History and Philosophy Department

E-mail: SergeyPiletsky@yandex.ru

Tel.: 8-4852-73-86-22; 8-4852-51-76-08